

Провинция Оран / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Провинция Оран / рассказ ПРОВИНЦИЯ ОРАН

От Алжира до Орана день езды по железной дороге. Сначала проезжаешь плодородную, тенистую, густонаселенную равнину Митиджи. Это как раз то место, которое показывают новоприбывшему, чтобы убедить его в процветании нашей колонии. Без сомнения, Митиджа и Кабилия – прекрасные места. Но ведь в настоящее время Кабилия более населена, чем департамент Па-де-Кале (из расчета на квадратный километр), а Митиджа скоро ее догонит. Что же еще собираются колонизировать здесь? Но к этому вопросу я еще вернусь позже.

Поезд бежит вперед и вперед; возделанные поля исчезают; земля становится голой и красной, настоящей африканской землей. Горизонт ширится – бесплодной, пылающий горизонт. Мы следуем вдоль громадной долины Шелиффа, сжатой со всех сторон мрачными, серыми, обожженными горами, на склонах которых нет ни единого деревца, ни единой травинки. Местами линия холмов уходит вниз, разрывается как бы для того, чтобы лучше показать ужасную скудость почвы, изъеденной солнцем. Вот перед нами огромная равнина, совершенно плоская, ограниченная вдали еле видимой цепью возвышенностей, теряющихся в дымке. А там, на диких скалах, виднеются время от времени большие белые точки, круглые, словно яйца, снесенные здесь гигантскими птицами. Это часовни марабутов, воздвигнутые во славу аллаха.

На желтой бесконечной равнине попадается иногда купа деревьев, стоят люди, рослые загорелые европейцы, глядя на убегающий поезд, а неподалеку от них видны маленькие, похожие на грибы палатки, откуда выходят бородатые солдаты. Это земледельческий поселок, охраняемый сторожевым отрядом.

Дальше на бесплодной и пыльной равнине можно разглядеть как бы дымок, такой далекий, что он еле виден, легкое облачко, которое тянется ввысь и точно бежит по земле. Это всадник поднимает бЕгом своего коня тонкую, жгучую пыль. И каждое

такое облачко на равнине говорит о присутствии человека, едва заметный светлый бурнус которого вы понемногу научаетесь узнавать.

Местами попадают лагерь туземцев. С трудом различаешь эти дуары на берегу пересохшего ручья, где дети пасут несколько коз, овец или коров (слово «пасут» в данном случае звучит бесконечной насмешкой). Бурые полотняные палатки, окруженные сухим кустарником, сливаются с однообразным цветом почвы. На железнодорожной насыпи чернокожий человек – ноги у него голые, жилистые и без икр, – закутанный в белесые лохмотья, степенно разглядывает несущегося мимо него чугунного зверя.

Еще дальше группа кочевников в пути. Караван движется, оставляя за собою облако пыли. Женщины и дети – верхом на ослах или на маленьких лошадках; несколько всадников с необыкновенно благородной осанкой важно едут впереди.

И так повсюду. На остановках поезда иногда видишь европейскую деревню: несколько домов, похожих на дома Нантера или Рюэй, вокруг нескольких опаленных деревьев, и к одному из них прикреплены трехцветные флаги по случаю четырнадцатого июля; у входа на вокзал – важный жандарм, тоже похожий на жандарма из Рюэй или Нантера.

Жара невыносимая. Нельзя дотронуться до металлических предметов даже в вагоне. Вода из фляжек обжигает рот. Воздух, врывающийся в вагон через дверь, пышет, как из печи. В Орлеанвиле на вокзале градусник показывает сорок девять градусов в тени!

К обеду приезжаем в Оран.

Оран – настоящий европейский коммерческий город, скорее испанский, чем французский, и не представляет большого интереса. На улицах можно встретить красивых черноглазых девушек с матовой кожей и сверкающими зубами. Говорят, что при ясной погоде на горизонте видны берега Испании, их родины.

Едва ступишь на эту африканскую землю, как тебя охватывает странное желание ехать все дальше к югу.

Поэтому я взял билет в Сайду и сел в поезд небольшой узкоколейной дороги, которая взбирается на высокие плато. Вокруг этого города рыщет со своими всадниками неуловимый Бу-

Амама.

После нескольких часов пути вы достигаете первых склонов Атласа. Поезд подымается в гору, пытит, еле движется, извивается по склонам пустынных возвышенностей, проходит мимо огромного озера, образовавшегося путем слияния трех рек; воды его разлились по трем долинам и запружены знаменитой плотиной на реке Хабра. Гигантская стена в пятьсот метров длины сдерживает над бескрайней равниной четырнадцать миллионов кубометров воды.

(Плотина эта рухнула в следующем году, потопив сотни людей, разорив целую страну. Это случилось как раз в момент большой национальной подписки в пользу пострадавших от наводнения венгерцев или испанцев. Но никто не обратил внимания на бедствие французов.)

Потом мы проезжаем узкими ущельями, между двух гор, которые выглядят как после недавнего пожара, до такой степени красна и оголена их поверхность; мы огибаем вершины, мчимся вдоль склонов, делаем объезды в десять километров, чтобы избежать препятствий, а потом несемся на всех парах по равнине, но все еще слегка петляем, как бы по привычке.

Вагоны крохотные. Паровоз, не больше паровичка городской железной дороги, изнемогает, задыхается, стоит, впадает в ярость, плетется так медленно, что его можно догнать пешком, и вдруг опять мчится с бешеной прытью.

Вся страна сплошь пустынна и безотрадна. Царь Африки, Солнце, великий и лютый хищник, пожрал всю живую плоть с этих долин, оставив лишь камни и красную пыль, где ничто не может зародиться.

Сайда! Это маленький городок французского типа, в котором как будто живут одни генералы. Их там по меньшей мере человек десять или двенадцать, и они как будто постоянно держат военный совет. Так и хочется крикнуть:

– Генерал! А где сегодня Бу-Амама?

Гражданское население не питает никакого уважения к мундиру.

Местная гостиница оставляет желать лучшего. Комната выбелена известкой. Я ложусь спать на соломенный тюфяк. Жара

невыносимая. Закрываю глаза, собираюсь заснуть. Увы! Мое окно открыто и выходит на маленький дворик. Слышен лай собак. Они далеко, очень далеко и лают по очереди, словно перекликаясь.

Но скоро они приближаются, подступают; вот они уже здесь, около домов, в виноградниках, на улицах. Они уже здесь, и их сотен пять, а то и вся тысяча, этих голодных, свирепых псов, охранявших на высоких плато лагери испанцев. Когда хозяева их были перебиты или уехали, собаки стали бродяжить, подыхая от голода; затем они набрели на город и обложили его, как вражеская армия. Днем они спят в оврагах, под скалами, в горных лощинах, но чуть только наступает ночь, они являются в Сайду в поисках пропитания.

Человек, возвращаясь поздно домой, идет с револьвером в руке, а его провожают по пятам и обнюхивают два – три десятка желтых собак, похожих на лисиц.

Сейчас они лают непрерывно, страшно; можно сойти с ума от этого лая. Потом возникает другой звук – пронзительный визг: это явились шакалы; иногда же слышен только один голос, более сильный и не похожий на прочие: голос гиены, подражающей лаю собаки, чтобы приманить ее и растерзать.

Этот ужасный гам длится до самого утра.

До французской оккупации Сайда охранялась маленькой крепостью, сооруженной Абд-эль-Кадиром.

Новый город лежит в небольшой долине и окружен голыми горами. Узенькая речка, через которую почти можно перепрыгнуть, орошает окрестные поля, где произрастает прекрасный виноград. К югу горы образуют как бы стену; это последние ступени, ведущие на высокие плато.

По левую руку поднимается ярко-красная скала метров в пятьдесят высоты с развалинами нескольких каменных зданий на самой вершине. Это все, что осталось от Сайды Абд-эль-Кадира. Издали кажется, что эта скала прилепилась к горному отрогу, но когда вы взберетесь на нее, вас охватывает удивление и восторг. Глубокий ров, вырытый между отвесными стенами, отделяет старое укрепление эмира от ближайшего склона. Этот склон из пурпурного камня изрыт кое-где лощинами, куда

устремляются зимние дожди. В глубине рва среди олеандровой рощи течет река. Если смотреть сверху, то перед нами как будто восточный ковер, разостланный по коридору. Покров из цветов кажется сплошным; лишь кое-где вкраплены пятна зеленой листвы. В это ущелье спускаются по тропинке, годной разве что для коз. Речка – по местным представлениям, река (уэд Сайда), по-нашему, ручей – извивается по камням под большими цветущими кустами, падает со скал, пенится, струится и журчит. Вода теплая, почти горячая. Громадные крабы с необыкновенной быстротой бегут по берегу, подымая клешни при моем приближении. Большие зеленые ящерицы исчезают в листве. Подчас скользнет между камнями змея.

Ущелье суживается, как будто оно вот-вот сомкнется. Я вздрагиваю от сильного шума над головой. Это улетаёт из своего убежища испуганный орёл; он взмывает вверх, к синему небу, и поднимается медленными, мощными ударами крыльев, таких широких, что, кажется, они задевают за стены ущелья.

Спустя час выходишь на дорогу, которая ведёт в Айн-эль-Хаджар, поднимаясь по пыльному склону.

Какая-то женщина, старуха, в черной юбке и белом чепце плетется, согнувшись, впереди меня с корзинкой через левую руку, держа в другой руке вместо зонтика от солнца огромный красный дождевой зонт. Как, здесь женщина! Крестьянка в этой угрюмой стране, где можно встретить разве только высокую, статную негритянку с лоснящейся кожей, выряженную в желтые, красные или синие ткани и оставляющую за собой запах человеческого тела, способный вызвать тошноту у самых выносливых людей!

Старуха садится в пыли, изнемогая, задыхаясь от тропического зноя. Её лицо покрыто бесчисленными мелкими морщинами, как измятый в руках лоскут; вид у неё усталый, подавленный, полный отчаяния.

Я заговорил с ней. Это была эльзаска, которую после войны переселили с четырьмя сыновьями в эти безотрадные края. Она спросила:

– Вы приехали оттуда?

При этом «оттуда» у меня сжалось сердце.

– Да.

И она заплакала. Потом рассказала мне свою незамысловатую историю.

Им обещали землю. Они приехали – она и дети. Троих сыновей погубил этот убийственный климат. Остался один, и тоже больной. Их поля, хотя и большие, ничего не приносят, оттого что нет ни капли воды. И старуха твердила: «Сущая зола, сударь, пережженная зола; ни кочна капусты не вырастишь, ни кочна, ни кочна», – заладив про капусту, видно, воплощавшую для нее все земное счастье.

Я никогда не видел ничего более жалкого, чем эта простая женщина из Эльзаса, попавшая на здешнюю раскаленную почву, где не вырастить ни одного кочна. Как часто, должно быть, бедная старуха вспоминала об утраченной родине, о зеленой стране своей молодости!

Прощаясь со мной, она спросила:

– Не знаете, не будут ли давать землю в Тунисе? Говорят, там хорошо. Все будет лучше, чем здесь. И, может быть, там я выходила бы своего мальчика.

Все наши поселенцы по ту сторону Телля могли бы сказать приблизительно то же самое.

Меня тянуло ехать все дальше и дальше. Но так как вся страна была охвачена войной, я не отважился ехать один. Помог случай: отправлялся поезд с провиантом для войск, стоящих в районе шоттов.

В этот день дул сирокко. С утра поднялся южный ветер, иссушая землю своим тяжелым, изнуряющим, губительным дыханием. В семь часов маленький поезд отправился в путь, увозя два отряда пехоты под командованием офицеров, три вагона-цистерны с водой и инженеров Франко-Алжирской компании: ведь уже три недели, как ни один поезд не доходил до конца железнодорожной линии, и она, возможно, была разрушена арабами.

Паровоз «Гиена» с шумом трогается в путь, устремляясь к горе направо, как будто желает врезаться в нее. Затем внезапно он сворачивает в узкое ущелье, делает петлю и снова показывается в пятидесяти метрах выше того места, где только что был. Опять сворачивает, описывает дуги, одну над другой, и, поднимаясь

зигзагами, как бы разматывает длинную ленту, которая достигает вершины горы.

Вот большие здания, фабричные трубы, нечто вроде покинутого города. Это великолепные заводы Франко-Алжирской компании. Здесь до избиения испанцев обрабатывали альфу. Это место называется Айн-эль-Хаджар.

Мы все еще поднимаемся. Локомотив пыхтит, хрипит, замедляет ход, останавливается. Три раза пытается он двинуться в путь и три раза не может тронуться с места. Он дает задний ход для разбега, но не в силах одолеть слишком крутой подъем.

Офицеры приказывают солдатам вылезти, и те, рассыпавшись вдоль поезда, принимаются толкать его. Мы снова едем, но медленно, со скоростью пешехода. Раздаются смех и шутки; пехотинцы подтрунивают над машиной. Но вот наконец мы на высоком плато.

Машинист, высунувшись всем корпусом наружу, беспрестанно смотрит на путь, который может быть перерезан неприятелем, а мы напряженно вглядываемся в горизонт, настораживаясь всякий раз, как вдалеке полоска пыли указывает на присутствие всадника, пока еще не видимого. Мы вооружены ружьями и револьверами.

Иногда мимо нас пробежит шакал или взлетит громадный ястреб, покидая скелет верблюда, почти начисто обглоданный. Карфагенские куры, очень похожие на куропаток, спасаются в рощицы карликовых пальм.

На маленькой станции Тафрауа стоят две пехотных роты. Здесь было перебито много испанцев.

В Кральфаллах наскоро укрепляется рота зуавов, сооружая себе прикрытия из рельсов, балок, телеграфных столбов, тюков альфы – из всего, что попадает под руку. Мы завтракаем. Три офицера, все трое молодые и веселые, – капитан, лейтенант и младший лейтенант – угощают нас кофе.

Поезд снова трогается. Он бежит, не останавливаясь, по безграничной равнине, похожей благодаря зарослям альфы на спокойное море. Посылая нам в лицо раскаленный воздух пустыни, сирокко становится невыносимым. Иногда на горизонте обрисовываются какие-то неясные очертания. То они кажутся озером, то островом, то скалами в воде. Это мираж. На скате

холма обожженные камни и человеческие кости — останки какого-нибудь испанца. А дальше опять павшие верблюды, ободранные ястребами.

Проезжаем через лес. Ну и лес! Океан песка, где редкие кусты можжевельника напоминают пучки салата на гигантском огороде! Но, начиная отсюда, уже никакой зелени, кроме альфы, особого рода зеленовато-голубого камыша, который растет круглыми кустами и покрывает всю землю, насколько можно охватить взглядом.

По временам вдали как будто появляется всадник. Но он исчезает; быть может, он нам только померещился.

Приезжаем в Уэд-Фаллет, лежащий среди унылой и голой пустыни. Я иду пройтись с двумя спутниками дальше к югу. В удушающем зное мы взбираемся на высокий холм. Сирокко пышет огнем, высушивает пот на лице, едва только он выступит, обжигает губы, глаза, горло. Под каждым камнем можно увидеть скорпиона. Вокруг стоящего поезда, который издали выглядит большим черным зверем, растянувшимся на сухой земле, солдаты нагружают повозки, присланные из соседних лагерей.

Потом они уходят, в пыли, медленно, усталым шагом, под палящим солнцем. Долго-долго видно, как они идут туда, налево, а потом уж не различаешь больше ничего, кроме поднимаемых ими серых облаков пыли.

Нас осталось теперь всего шестеро около поезда. Ни к чему не прикоснешься, все пылает. Медные части в вагонах кажутся раскаленными докрасна. Невольно вскрикнешь, если коснешься рукой стали оружия.

Несколько дней тому назад племя резайна, примкнув к мятежникам, прошло через шотт, до которого мы не добрались, потому что пора было возвращаться. Во время перехода через это пересохшее болото жара была такая, что бегущее пламя потеряло всех своих ослов, павших от жажды, и даже шестнадцать человек детей, умерших на руках у матерей.

Локомотив свистит. Мы покидаем Уэд-Фаллет. Замечательный случай из военной жизни сделал это место известным по всей стране.

Здесь стояла колонна солдат под прикрытием 15-го линейного

полка. Однажды ночью два туземца-разведчика появляются у передового поста, проехав десять часов в седле, чтобы передать спешное распоряжение от командующего из Сайды. Как полагается, они машут факелом, чтоб их признали. Часовой – рекрут из Франции, – не зная обычаев и правил службы, принятых во время южной кампании, и не предупрежденный своими офицерами, стреляет в курьеров. Бедняги все же продолжают подвигаться вперед; солдаты на посту берутся за оружие, занимают позиции, и начинается отчаянная стрельба. Выстояв под выстрелами – их было сделано не менее полутора, – оба араба наконец удаляются, и один из них с пулей в плече. На следующий день они возвратились в ставку, привезя обратно свои депеши.

* * *

По случаю четырнадцатого июля. – Имеется в виду день французского национального праздника в память свержения Бастилии 14 июля 1789 года.

Шотт – соляное озеро в Алжире.

...до избиения испанцев. – Восстания туземных племен Алжира и Туниса в 1881 году иногда, особенно под влиянием религиозного фанатизма, выливались в форму поголовного истребления европейцев, в частности испанского населения. Но Мопассан далее указывает и на экономическую подоплеку ненависти к испанским колонистам-плантаторам, которые сосредоточили в своих руках плантации альфы и вызываясь вели себя по отношению к туземному населению.

Альфа – растение, стебли которого употребляются на выработку бумаги, ковров, обуви.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Н. Соколовой

Примечания Ю.Данилина. Nekaýalar